

Юдит Цевек, Будапешт

Институт этнологии и фольклора Академии Наук Венгрии

Краткая историография и новые результаты о проблемах венгерской финноугристики

Самые близкие родственники венгров по языку ханты-манси проживают в Сибири более чем в четырех тысячах километрах от их нынешней родины. Территория, с которой предки венгров появились в Европе, была определена благодаря развитию науки. Начиная с 1886 года под влиянием Кёппена исконной территорией финно-угров, в том числе и венгров, считалась область, расположенная между Средним Поволжьем и Уральскими горами. Эта до сих пор популярная концепция основывалась на ошибочном представлении, что финно-угорская прародина якобы полностью находилась в Европе в зоне широколиственных лесов, где были спонтанно распространены дикие медоносные пчёлы. Эту гипотезу поддерживало подавляющее большинство венгерских исследователей почти до последнего времени (Жирай М., Барци Г., Хайду П., Ласло Д., Липтак П., Лигети Л., Барта А., Шомоди Ш, Рона-Таш А. и его ученик Зимони И., Турк А., Шугар Б. и другие изветные и менее изветные учёные. Однако новейшие биологические данные российских палинологов однозначно свидетельствуют о том, что лингвистическая палеонтология финно-угроведения в течение ста лет совершенно неправильно определяла восточные границы распространения широко-лиственного леса, спонтанного распространения диких медоносных пчел и архаического бортничества среди финно-угорских народов, прежде всего у хантов и манси.

Ключевые слова: финно-угорская прародина, биогеографические аргументы, лингвистическая палеонтология дикие медоносные пчёлы, ханты, манси.

Самые близкие родственники венгров по языку ханты-манси проживают в Сибири более чем в четырех тысячах километров от их нынешней родины. Вопрос, как венгры очутились в центре Европы, откуда пришли сюда всегда волновал их. Уже в 13 в. под руководством венгерского монаха Юлиана была организована экспедиция на восток, цель которой были поиски прародины венгерских племен. Эта затея удалась тогда только наполовину. Были обнаружены лишь разрозненные следы предков в степной зоне. Территория, с которой предки венгров появились в Европе, была определена несколько веков спустя, благодаря развитию науки. Прародиной финно-угорских или уральских народов в период возникновения научной лингвистики в середине 19-го века вслед за основоположником уралолистики М. А. Кастреном (1813–1856), считали Азию, а именно район Алтайских и Саянских гор. Однако начиная с 1886 года под влиянием известного русского учёного Кёппена (1833–1908) исконной территорией финно-угров стали считать область, расположенную между Средним Поволжьем и Уральскими горами. Эта последняя весьма популярная концепция основывалась на том, что финно-угорская прародина полностью находилась в Европе, а именно в зоне широколиственных лесов к западу от Уралских гор, где были спонтанно распространены дикие медоносные пчёлы. По предположению Кёппена, территорию финно-угров несомненно нужно локализовать только в Европейской лесной зоне. Эту гипотезу не критично поддерживало подавляющее большинство венгерских исследователей почти до последнего времени. Одним из основных доказательств её „правильности” более столетия считалось то, что в финно-угорских языках существует общее название „пчелы” и „мёда”, а в Сибири вплоть до 19 века, дикая

медоносная пчела якобы не была известна. Теперь мы уже знаем, что именно это совершенно неверное предположение или утверждение Кёппена, является одним из первых биогеографических свидетельств о прародине финно-угров, которое постоянно приводится как не сранно до сих пор. Дело в том, что Кёппен в свое время совершенно ошибочно считал, что медоносные пчёлы, издревле живущие в европейских лесах Поволжья, появились в районе к востоку от Уральских гор, в Сибири, весьма поздно, якобы лишь в конце 18-го – начале 19-го вв., под влиянием пчеловодческой деятельности русских крестьян-переселенцев, перевезших несколько ульев из Башкирии на Алтай. Именно на основе этого ошибочного предположения Кёппен считал, что нельзя локализовать прародину финно-угров в Азии (включая Туркестан и Сибирь), где медоносные пчёлы будто бы до 19 века полностью отсутствовали. По его мнению, даже дикие медоносные пчёлы, обнаруженные в горах Алтая у Телецкого озера его другом, известным востоковедом В. В. Радловым (1837–1918), были распространены в Сибири в результате одичания домашних пчёл, покинувших ульи русских крестьян на рубеже 18-го–19-го вв. Эта гипотеза о весьма позднем распространении медоносной пчелы в Сибири была довольно широко распространена в 19-ом в. в России и позже априори была принята на вооружение при определении уральской прародины не только зарубежной финно-угристикой, но и современной сибирской этнографией. Кёппен в своей работе ошибочно ссылался главным образом на то обстоятельство, что якобы не существует ни русских письменных источников, ни лингвистического материала, которые однозначно свидетельствовали бы о том, что аборигенные народы Сибири занимались когда-нибудь в прошлом бортничеством до появления русских крестьян на территории к востоку от Урала. По его мнению, русские переселенцы не везли бы с собой ульи из Башкирии в Сибирь на рубеже 18–19 вв., если бы коренные народы были ранее знакомы с

медоносными пчёлами и занимались бы бортничеством. Популярная палеолингвистическая гипотеза Кёппена до сих пор является самой распространённой концепцией среди зарубежных специалистов и таким образом, несмотря на явные ошибки, не потеряла своего значения до наших дней.

Для зарубежных, главным образом венгерских учёных, доводы Кёппена казались очень убедительными в течение ста лет, и в своих работах при определении первоначальной территории финно-угров они, даже и сейчас, часто ссылаются на его биогеографические „аргументы” относительно распространения медоносных пчёл в Северной Евразии (Жирази М., Барци Г., Хайду П., Ласло Д., Липтак П., Лигети Л., Барта А., Рона-Таш А. и его ученик Зимони И., Турк А., Шугар Б., Шомоди Ш. Например, венгерский академик Петер Хайду (Hajdú Péter 1920–1998) в своей монографии „Уральские языки и народы” тоже принимает эту неверную точку зрения Кёппена и не сомневается в том, что раньше в Сибири якобы дикие медоносные пчёлы действительно не были известны (Hajdú 1964; 1985). Даже по мнению В. Н. Чернецова (1905–1970), хотя в своё время в финно-угорских языках и уделялось много внимания словам „мёд” и „пчела”, на самом деле в регионе на восток от Урала, (несмотря на то, что там произрастают липа и вяз), пчёлы в диком виде не известны (1960). В связи с историографией о проблемах финно-угорской прародины надо однако отметить, что, как ни странно, иностранные учёные, постоянно восхищаясь „точными данными” Кёппена, к сожалению не были знакомы с его оригинальной работой на русском языке, вышедшей в свет в 1886 г., а обычно пользовались лишь данными, кратко изложенными в его статье, опубликованной в 1890 г. в немецком этнографическом журнале в г. Штуттгарте. Кстати, выдающийся эстонский этнолог Линнус в 1939 году, непосредственно перед трагической смертью уже начинал осторожно критиковать концепцию Кёппена, но при этом парадоксальным образом

ссылался именно на работу В. В. Радлова (Radloff 1884). Дело в том, что Линнус не знало том, что в своей монографии Кёппен подробно занимался этой проблематикой. Именно, как раз вслед за В.В. Радловым, обнаружившим в Сибири у алтайцев медоносных пчёл во время своей экспедиции собранными им в горах Алтая у Телецкого озера, Кёппен утверждал, что появление диких медоносных пчёл в Сибири – будто бы вторичное явление, возникшее вследствие недавнего одичания домашних пчёл. Однако среди зарубежных исследователей лишь Бернат Мункачи (1860–1937) корректно признал, что он к сожалению не имел возможности непосредственно ознакомиться с монографией Кёппена. В его распоряжении имелась лишь короткая статья русского учёного на немецком языке.

Другой крупный русский учёный, С. П. Толстов, исходную территорию финно-угорских народов предполагал не в Среднем Поволжье, куда её помещали в XX веке по традиции, следуя концепции Кёппена, а в Средней Азии, близ Аральского моря. Именно здесь, по его мнению, могли происходить предполагаемые тесные языковые контакты между финно-угорскими и дравидскими языками, или языком мунда, как считал любитель-востоковед – венгерский дипломат Хевеши, издавший в Лондоне по этому поводу книгу под псевдонимом Уксбонд (*Magyar-munda-maori*). Концепция С. П. Толстого о среднеазиатском происхождении древних уральцев сыграла большую роль в дальнейшем изучении проблем этнической истории финно-угров. Русские учёные – сначала В. Н. Чернецов, а затем Г. Н. Матюшин – развили взгляды Толстого в этом направлении. Однако, аральская концепция прародины финно-угров под влиянием новых археологических, палинологических и других материалов, позже сильно видоизменилась. Данные палео- биogeографических реконструкций истории лесов в Евразии были впервые использованы в уралистике В. Н. Чернецовым, а не Д. Ласло, как многие ошибочно

считают у нас в Венгрии. Выступая в Будапеште на первом Международном финно-угорском конгрессе (1960 г.) с докладом „К вопросу о месте и времени формирования уральской общности”, Чернецов подчеркнул, что изучение древних торфяников и сопоставление данных пыльцевого анализа позволяет теперь хотя бы в общих чертах восстановить картину распространения в древности древесных пород на территории СССР. Однако на это тогда, к сожалению, не было обращено должного внимания. Он привёл палинологические данные из монографии И. М. Нейштадта (1957). В книге венгерского археолога Д. Ласло (1912–1998), вышедшей в 1961 г., действительно использованы палинологические данные, но совершенно некорректно, что вызвало справедливую критику со стороны П. Хайду, И. Фодора, В. В. Напольских и других известных учёных. Д. Ласло (László Gyula) тоже был уверен как и Анатал Барта (Antal Bartha), и Шандор Шомоди (Somogyi Sándor), что Кёппен абсолютно прав, утверждая, что не только пчеловодство-бортничество, но и сами дикие медоносные пчёлы ранее совершенно не были известны в Сибири и заимствованы аборигенными народами только на рубеже 18–19 вв., в районе Алтая, исключительно под влиянием русских переселенцев.

По мнению венгерского академика П. Хайду (1964), книга его переведена на русский язык, места расселения древних уральцев нужно искать лишь в Западно-сибирской тайге, на этнической территории обских угров, где преобладают еловые леса, главным образом кедр и пихта. „Древние уральцы видимо знали лишь названия деревьев Сибирской тайги, поэтому и их прародину следует искать на субарктической территории, конкретно к северу от Среднего Урала, в основном между Нижней Обью и Уралом, но включая верхнее течение р. Печоры. Он предполагал, что из Западной Сибири около 6–5 тыс. до н.э. протофинно-угры полностью переселились в Европу, регион к западу от Урала, в

бассейн рр. Печоры и Камы. Однако, территория их прародины не могла заходить далеко в глубь зоны смешанных европейских широколиственных лесов, поскольку названия лиственных деревьев – за исключением вяза – сформировались в языке обособившихся групп финно-угров намного позднее”. Здесь, в европейской части Уральских гор, отделившиеся от древних уральцев протофинно-угры постепенно знакомились с деревьями европейских широколиственных лесов: около 5 тыс. до н.э. – с вязом, а после окончательного распада финно-угорской языковой общности – с дубом, появившимся на европейских склонах Урала, как считал венгерский лингвист П. Хайду вслед за И. М. Нейштадтом, только около 3–2 тыс. до н.э. В связи с этим следует особо отметить, что зарубежные исследователи обычно ошибочно полагают, что дуб довольно поздно распространился в районе Средней Волги и Урала, якобы из средне-европейского рефугиума широколиственного леса Карпатских гор во второй половине среднего голоцена. Исходя из того, что название дуба **tompa*, можно выявить лишь у финно-пермских народов, а у обских угров в настоящее время оно совсем не обнаруживается, обычно предполагают, что во время появления дуба в Поволжье древние финно-угры уже давно жили раздельно. Таким образом, вслед за Кёппеном даже Хайду прародину финно-угров традиционно локализовал в северо-восточной части зоны европейских широко-лиственных лесов, делая акцент на том, что в финно-угорскую эпоху лингвистически можно реконструировать название всего лишь одного дерева широколиственного леса, а именно вяза (PFU* *śala*, lat. *Ulmus*).

Однако по мнению известного венгерского финно-уговедателя Петера Вереша, утверждения академика Хайду вызывают большие сомнения, (за исключением финно-угорской этимологии названия дерева вяза). Серьезные методологические и фактические опасения в связи с этим возникают и потому что, согласно методике финно-угристики, древними

считаются исключительно лишь те слова, относящиеся к финно-угорской или уральской эпохе, которые можно выявить в настоящее время во всех отдельных подгруппах этой языковой семьи. Этот важный и часто успешный метод сравнительной лингвистики в отдельных случаях таит в себе возможность некоторых ошибок. Ведь отдельные слова могли исчезнуть по разным причинам, например, в данном случае вследствие климатическо-экологического влияния, как это случилось с сравнительно недавно общим названием дуба у обских угров и венгров. А это может повлечь за собой воспроизведение неправильных хронологическом отношении лингвистических реконструкций. На основании того факта, что в современных языках обских угров отсутствует название дуба, а в венгерском оно имеет позднее иранское (алано-осетинское) происхождение, лингвисты сделали далеко идущие, но совершенно неверные выводы относительно определения границы финно-угорской прародины. Ведь по новым пыльцевым данным из работ российских ученых известно, что *дуб* исчез из Зауралья и Западной Сибири, то есть с нынешней этнической территории хантов и манси, сравнительно недавно, около тысячелетия назад под климатическим влиянием (1976). Другая крупная методологическая ошибка зарубежных лингвистов, занимающихся определением территории прародины уральцев и финно-угров заключается в том, что они плохо знают биологию. Дело в том, что в составе широколиственного леса Евразии, в том числе и в прошлом, в Западной Сибири, *вяз* всегда и везде распространяется именно вместе с *дубом* и *липой*. Это неоспоримый биологический факт палинологических исследований. Не говоря о том, что *вяз* сам по себе – одно из самых характерных деревьев этого типа леса. Вереш считает, что реконструкция названия *вяза* PFU *śala (ср.: Hajdú 1964) косвенно как раз указывает именно на то, что присутствие *вяза* обозначает обязательное наличие одновременно *дуба* и *липы*, а также дикой медоносной пчелы,

следовательно и бортничества (Вереш 1987; Veres 1996). Не случайно в местах проживания южных групп обских угров путешественники и историки уже в XVII в. обнаружили диких медоносных пчел и описали лесное бортничество как один из видов деятельности этих народов – хантов и манси. И в настоящее время на территориях хантов, проживающих в бассейне Средней Оби, также встречаются и вяз, и липа. Весьма удивляет категоричное мнение В. Н. Чернецова, согласно которому в регионе на восток от Урала, (несмотря на то, что там произрастают липа и вяз), пчёлы в диком виде не известны (1960). Это утверждение не соответствует действительности.

Ведь как Петер Вереш сообщил: русскому академику С. В. Бахрушину (1892–1950) удалось найти в архиве города Кунгур письменное свидетельство, которое подтверждает, что до XVIII века, именно в 1668–69 гг. в районе Зауралья в бассейне реки Верхний Тагил тамошние манси занимались бортничеством. Однако до 1930-го года этот факт не был известен. Кроме этого, Кёппен не знал также и о том, что известный голландский путешественник XVII в. В. Витзен в своей монографии о России (1692 г.) упоминал о том, что ханты на Иртыше знакомы с дикими медоносными пчёлами и интенсивно занимаются бортничеством. Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что на территории к востоку от Урала дикие медоносные пчёлы по экологическим причинам были распространены издревле, а не являлись, как это обычно считается, одичавшими потомками домашних пчёл. В эндогенности диких медоносных пчёл нельзя сомневаться не только в районе Алтая, но и по всей Сибири. Дикая медоносная пчела в Северной Азии не существовала лишь в субарктических районах.

Важно знать П. Вереш также первые в специальной финно-угорской литературе обратил внимание не только венгерских, но и зарубежных финно-угроведов на то, что новейшие биологические данные российских

палинологов однозначно свидетельствуют о том, что лингвистическая палеонтология до последнего времени совершенно неправильно определяла восточные границы распространения широколиственного леса, спонтанного распространения диких медоносных пчел и архаического бортничества среди финно-угорских народов, прежде всего у хантов и манси (1987). А поскольку именно такими были главные биогеографические аргументы при определении территории финно-угорской прародины, он сделал вполне логичный его критический вывод: при установлении восточной границы исходного района древних уральцев и финно-угров, лингвисты, занимающиеся этой проблематикой, в течение ста лет ошибались, главным образом по той причине, что игнорировали основополагающие данные других наук. Современные палинологические исследования известного биолога Н. А. Хотинского и его учениц В. С. Волковой и В. А. Белковой убедительно доказывают, что рефугиум, то есть первоначальный центр распространения широколиственного леса, находился во время позднего палеолита и раннего голоцена на среднем и южном Урале. А это обозначает, что восточная граница распространения широколиственного леса не ограничивалась только западным, то есть европейским, склоном Уральских гор. Это сенсационное научное открытие русских биологов, несомненно, имеет большое научное значение и в финно-угристике. Значит, новые палинологические данные убедительно свидетельствуют как раз о том, что довольно рано, еще во время среднего голоцена, не только вяз и липа, но и дуб, проникли с Уральского рефугиума не только на запад, но и на восток, в Зауралье, приблизительно до среднего течения Оби (1976). Вереш кроме всего этого считает, что все типичные деревья широколиственного леса были известны в южных районах не только, финно-угорской и но даже уральской прародины минимум шесть тысяч лет тому назад. Хотя западные исследователи до последнего времени категорически отрицали этот важный биологический

факт, как и эндогенность медоносных пчел на территории Зауралья и Сибири. При традиционном определении границы прародины финно-угорских народов все перечисленные экологические факты Западной Сибири ошибочно не принимались во внимание в течение более ста лет, поэтому зарубежные ученые обычно придерживались традиционной точки зрения Кёппена (1886), согласно которой исходная территория древних финно-угров располагалась якобы исключительно в Европе, в лесистом районе между Средним Поволжьем и Уральскими горами.

К сожалению первоначальный центр распространения широколиственного леса на Урале на рубеже палеолита и раннего голоцена до последнего времени не был известен в специальной литературе по финно-угриктике. Несмотря на то, что для биогеографического метода лингвистической палеонтологии ключевое значение имеет как раз рефургиум вяза, дуба и липы, находившийся в начале голоцена в средней и южной части Уральских гор. На этот факт впервые обратил внимание Петер Вереш, его научный приоритет в этом не сомнен. Важно подчеркнуть, что со времени выхода в 1886 г. известной монографии Кёппена о финно-угорской прародине, где главным биогеог-рафическим аргументом послужило спонтанное распространение медоносных пчел исключительно в Европе, зарубежные лингвисты совершенно не считались с тем фактом, что дикие медоносные пчелы постоянно пребывают в тесном симбиозе именно с липой. Просто не знали, что пчелы отдают предпочтение прежде всего цвету липы. А дерево липа хорошо известной в Зауралье и Западной Сибири – на этнической территории обских угров и в настоящее время.

Кроме этого в противовес необоснованой, но популярной концепции Кеппена, Вереш приводит следующие важные аргументы, о которых не знали предыдущие исследователи. Так, например: ива, берёза и тополь тоже произрастали в Зауралье, а цветочная пыльца этих деревьев весьма

привлекательна для медоносных пчёл. Вдобавок таёжные деревья тоже могут давать основу для изготовления т.н. „таёжного” мёда. Вереш подчеркивал в своей критике: со времени выхода монографии Кёппена о финно-угорской прародине (1886), исследователи не особенно считались с тем, что дикие медоносные пчёлы живут в тесном симбиозе с деревьями широколиственного леса, и особенно с липой. Учёные-лингвисты просто не знали, что пчёлы отдают предпочтение именно цветам липы. Даже те исследователи, которые признавали произрастание липы в Западной Сибири, в Зауралье или в Алтайских горах, были убеждены в том, что до рубежа XVIII–XIX вв. медоносных пчёл там – как утверждал Кёппен свое время – не было. До этого широко господствовало совершенно ошибочное мнение, что медоносная пчела якобы тесно связана именно с дубом, который в настоящее время, действительно, распространяется в Восточной Европе лишь до Уральских гор. По концепции Вереша, границы финно-угорской прародины можно установить биогеографическим методом лингвистической палеонтологии. Исходная территория древних финно-угров тесно связана с рефугиумом широколиственного леса в районе Урала, на севере имевшего контакты с Западно-сибирской тайгой.

Из всего этого сделал Петер Вереш дотоле неизветный весьма важный этногенетический вывод по древней истории финно-угров. Именно, что начиная уже с 4 тысячи лет до н.э. деревья широколиственных лесов были распространены вместе с дикими медоносными пчелами в обоих старонах Уральских гор, то есть в совместной прародине уральских народов, включая и Зауралье и Западной Сибири, где липа и вяз встречаются и настоящее время, к тому же до Алтая включительно. Таким образом субарктический район между нижним течением р. Оби и Северным Уралом не может служить территорией уральской, тем более финно-угорской прародины, как считал Хайду (1964). Хотя там, также как и на острове Новая Земля, обнаружена

пыльца вяза и липы. Однако эта пыльца попала сюда из более южных районов Урала и Западной Сибири, где находился рефугиум широколиственных лесов. Правильность и убедительность концепции Петера Вереша несомненно подтверждает не только существование на Урале, в южной части финно-угорской, даже уральской прародины рефугиума широколиственного леса, но и сохранение в юкагирском языке корня протофинно-угорского названия вяза (PFU *śala > sāl в значении 'дерево' > 'лес' ср: И.А. Николаевой) Таким образом венгерский финно-угровед Вереш методично подверг убедительной критике концепцию не только Кеппена, Ласло и Барта, но прежде всего академика Петера Хайду (1964), ссылаясь на новейшие палинологические и другие данные российских ученых, подтверждающие то, что лингвистическая палеонтология в до последнего времени совершенно неправильно определяла восточные границы финно-угорской прародины. Нада признать известный венгерский лингвист Петер Хайду несомненно был честным, добросовестным ученым и в конце концов он решительно отказался от своей концепции относительно уральской и финно-угорской прародины не только в словесной форме.

Добавим к этому: Петер Вереш даже ссылается на археологический материал тоже. По его мнению мезолитическая культура на территории лесной и лесостепной зоны Зауралья, Западной Сибири и Приуралья, интерзонально пересекающая несколько экологических зон свидетельствует об этническом единстве населения и происходит из местного уральского палеолита. Близость между зауральским, западно-сибирским и прикамским мезолитом становится особенно заметной при сопоставлении археологических культур соседних областей. На западе они сближаются со средневожским мезолитом, но резко отличаются от волжско-окской синхронной археологической культуры, имевшей *свидерские* истоки. А уральский неолит ведёт своё происхождение от

местного мезолита. Южно-зауральский мезолит и неолит ведут свои истоки из Средней Азии, и поэтому не имеют непосредственного отношения к древним финно-уграм. Финно-угорское единство окончательно распалось по экологическим причинам во второй половине третьего тыс. до н.э., когда из-за ухудшения климата 2600–2100 до н.э. в Западно-Сибирской равнине началось интенсивное заболачивание и параллельно с этим в значительной мере изменились границы географических зон по обеим сторонам Уральских гор.

Во избежание недоразумения обращаем ваше внимание на то, что П. Вереш, выдвигая свою концепцию финно-угорской прародины, обращает свою критику, собственно говоря, не только в адрес крупного финно-угроведа 19 в. Кёппена, а в адрес исследователей не критически воспринимали ошибочную теорию Кёппена в течение ста лет, которые не учитывовали в своих работах новейшие результаты отечественных и зарубежных ученых. Историография определения исконной территории финно-угров лишний раз подтверждает ту истину, что для опровержения неверных, но популярных гипотез часто требуется срок не менее ста лет в науке (концепция Кёппена впервые увидела свет в 1886 г., а Петера Вереша – в 1987г.).

Литература

Czövek Judit: *Mir-susnē-γum. Tanulmánykötet Hoppál Mihály tiszteletére I–II.* Budapest, Akadémiai Kiadó. 2002.

Gulya János: *A magyarok önelnevezésének eredete.* In: Kovács László–Veszprémy László (reds.): *Honfoglalás és nyelvészet.* Budapest, Balassa Kiadó. 1997. 85–97.

Munkácsi Bernát: *Árja és kaukázusi elemek a magyar nyelvben.* Budapest, Magyar Tudományos Akadémia. 1901.

- Hajdú Péter: Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie. *Acta Linguistica* 14. Budapest, 1964. 47–83.
- Radloff W.: *Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche.* Leipzig. 1883.
- Rudenko S. I.: Studien über das Nomadentum. In: Földes L. (ed.): *Wehwirtschaft und Hirtenkultur.* Budapest, Akadémia Kiadó. 1969. 34–45.
- Serei Ch.: *The Linguistic Prehistory of Peoples Belonging to the Uralic Family of Languages.* VIIIth Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Tokyo, 1970.
- Sokolowa S. P.: Zur Frage der Entstehung der ethnografischen und territorialen Gruppen der Ob-Ugrier. *Acta Ethnographica* 26. Budapest. 1977. 109–128.
- Steinitz W.: *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache (DEWOS) 7. Lieferung.* Berlin, Akademie-Verlag, 1975.
- Tolszov Sz. P.: *Az ősi Horezm.* Budapest, Akadémia Kiadó. 1949.
- Tóth Tibor: *Az ősmagyar genezisének szarmatakori etapjáról.* MTA II. Oszt. Közleményei. Budapest, Akadémia Kiadó. 1969.
- Veres Péter: *A magyar népetnikai történetének vázlat.* *Valóság* 5. 1972. 2–13.
- Veres Péter: *Die frühe Phase der Ethnogenese der Finno-Ugrier und Sibirien.* *Specimina Sibirica.* Pécs, Egyetemi Nyomda. 1988. 47–63.
- Veres Péter: *The Ethnogenesis of the Hungarian People. Problems of Ecologic Adaptation and Cultural Change.* Vargyas G. (ed.): *Occasional Papers in Anthropology* 5. Budapest, 1996.
- Veres Péter: *Mérföldkövek a magyar őstörténetben.* Budapest, Cédrus Művészeti Alapítvány–Napkút Kiadó. *Ómúltunk Tára* 5. 2009.
- Veres Péter: *Újabb adatok a magyar népnév eredetéhez és történelmi mitologikus hátteréhez a néprajzkutatás szemszögéből.* In: Bali János–Báti Anikó–Kiss Réka (eds.): *Inde Aurum – Inde Vinum – Inde Salutem Paládi-Kovács Attila 70. születésnapjára.* Budapest, MTA Néprajzi Kutatóintézet–ELTE BTK Tárgyi Néprajzi Tanszéke. 2010. 539–559.

Voigt Vilmos: Vannak-e még uráli nyelvek, uráli népek? In: Pomozi Péter (red.): Navigare humanum est...Pusztay János hatvanadik születésnapjára. Budapest, Finnugor Népek Világkongresszusa Magyar Nemzeti Szervezete. 2008. 229–240.

Voigt Vilmos: Endangered Hungarian? In: Blokland R.–Hasselblatt, C. (eds.) Language and Identity in the Finno-Ugric World. Proceedings of the Fourth International Symposium on Finno-Ugric Languages. Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, Heft 25. Studia Fenno-Ugrica Groningana 4. Groningen, Hasselblatt-Shaker Publishing, 2007. 284–290.

Voigt Vilmos: Europäische Linien. Studien zur Finnugristik, Folkloristik und Semiotik. Studies in Ethnology 2. Budapest, Akadémiai Kiadó. 2005.

Voigt Vilmos: Honfoglaláskori folklór. In: Pócs É.–Voigt V. (eds): Ósök, táltosok, szentek. Tanulmányok a honfoglaláskor és Árpád-kor folklórjából. Budapest, MTA Néprajzi Kutatóintézet, 1996. 13–28.

Witsens N. Berichte über die uralischen Völker. Studia Uralo-Altaica 7. Szeged, Egyetemi Kiadó. 1975.

Алексеев В. П.: Сибирь как очаг расообразования. Проблемы исторической этнографии и антропологии Азии. М., Наука. 1968.

Вереш П. Т.: Этнокультурное развитие древневенгерского этноса (до появления на современной этнической территории). Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., Наука. 1978. 43–56.

Вереш П. Т.: Хозяйственно-культурные типы и проблемы этногенеза венгерского народа. Проблемы типологии в этнографии. М., Наука. 1978. 28–42.

Вереш П. Т.: Этногенез ранняя этническая история венгерского народа до 895–896 гг. до н. э.: Автореферат на соискание кандидатской степени. М., 1979. Институт Этнографии АН СССР М. 1979.

Вереш П. Т.: Проблемы этногенеза финно-угорских народов и венгров Acta Ethnographica 33. Budapest, 1984. 367–384.

Вереш П. Т.: Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа. В Сб.: Урало-алтаистика. Ярхеология- Этнография-Язык. Издательство „Наука” Сибирское отделение. Новосибирск. 1985.

Вереш П. Т.: Экологическая адаптация и проблемы этногенеза и культуры венгерского этноса. *Acta Ethnographica* 40. Budapest, 1995. 13–39.

Волкова В. С.–Белкова В. А.: О роли широколиственных пород растительности в голоцене Сибири. *Papers of the Soviet Palynologists to the V. International Conference on Palynology*. Cambridge. M., Наука. 1980.

Кеппен П. Ф.: О первоначальной родине и родстве индоевропейских и угро-финских племен. СПб. 1886.

Коротаев А. В.–Д. А. Халтурина: Мифы и гены. Глубокая историческая реконструкция. URSS Москва. 2010.

Косарев М. Ф. : Бронзовый век Западной Сибири. М., Наука. 1981.

Кузмина Е. Е.: Арии–путь на юг. М., Петербург, Летний сад. 2008.

Матюшин Г. Н. : Мезолит Южного Урала. М., Наука. 1976.

Напольских Н. Н.: Введение в историческую уралоистику. Ижевск. 1997.

Хотинский Н. А.: Голоцен Северной Евразии. М., 1977. Наука.

Сальников К. В.: Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. Наука.

Чернецов В. Н.: К вопросу прародины уральцев (финно-угров и самодийцев) I. CIFU Будапешт 1960. I. *Nemzetközi Finnugor Kongresszus*. Budapest, Akadémia Kiadó. 1963.